

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.5.4>

УДК 930.1(09)

ББК 63.1

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ РОССИЯН В ВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1914–1918 гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Парамонов Вячеслав Николаевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии науки,

Самарский государственный университет

parvja@mail.ru

ул. Академика Павлова, 1, 443011 г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрывается повышение интереса исследователей к проблемам качества жизни россиян в период Первой мировой войны в последние два десятилетия, анализируется новизна и разнообразие точек зрения, отмечается, что дальнейшая разработка темы требует применения междисциплинарного подхода, уточнения понятий и статистических показателей, выявления и введения в научный оборот дополнительных исторических фактов.

Ключевые слова: Первая мировая война, тыл, качество жизни, потребление, рабочие, крестьяне, беженцы, историография.

Качество жизни – интегрированное понятие, включающее в себя: потребности человека и возможность их удовлетворить; характеристику показателей уровня жизни, условий труда и отдыха; жилищные условия; социальную обеспеченность и гарантии; безопасность жизнедеятельности; наличие свободного времени и возможности его продуктивного использования; субъективные ощущения комфортности, стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Изучение качества жизни населения российского тыла дает возможность определить изменения образа жизни населения и его социального поведения в экстремальных условиях войны.

Следует отметить, что в период Первой мировой войны в России проводились обследования потребления населения, прежде всего городского [49]. Материалы анкетирования, которое проводило Особое совещание по продовольствию, дают картину зарождения и развития кризиса снабжения. Так, по результатам опроса местных властей 659 городов империи, проведенного 1 октября 1915 г., о недо-

статке продовольственных продуктов вообще заявили 500 городов (75,8 %), о недостатке ржи и ржаной муки – 348 (52,8 %), о недостатке пшеницы и пшеничной муки – 334 (50,7 %), о недостатке круп – 322 (48,8 %) [14, с. 161]. Фактически эти данные свидетельствовали о надвигающемся продовольственном кризисе 1915–1916 годов.

В феврале 1917 г. по распоряжению Морского ведомства среди рабочих Обуховского завода (оборонный завод Морского ведомства) в Петрограде было проведено анкетирование о минимальном бюджете рабочей семьи [2, с. 58–69]. Подобные изучения были не единичны и в настоящее время представляют репрезентативную достоверную источниковую базу для исторических и междисциплинарных исследований.

Центральное статистическое управление СССР выпустило в 1925 г. сборник «Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах)», таблицы 40–42 которого содержали сведения об обеспечении пайками и размерах сумм на выдачу продовольственного пособия семьям

призванных в армию [44, с. 49–51]. Автор предисловия к сборнику В. Ефремов делал вывод о том, что материальное «благополучие ухудшилось, благодаря вздорожанию жизни, непрерывным реквизициям, ослаблению хозяйств за отсутствием рабочей силы и разрушению их в зоне военных действий». Сравнивая положение рабочих и крестьян, В. Ефремов отмечал: «...Как ни тяжело было положение крестьянской массы, но неизмеримо тяжелее отозвалась война на пролетариате. Рабочая масса с условиях мирного времени жила в чрезвычайно тяжелых условиях... рабочие жили впроголодь, ютились в подвалах в самых антигигиеничных условиях... За время войны положение их еще больше ухудшилось. В совершенно невозможных условиях оказались семьи рабочих, взятых на войну, ибо норма выдававшегося пособия была совершенно недостаточна, а также семьи положительно голодали» [44, с. 6, 8]. Несмотря на известную идеологизацию, В. Ефремов подметил очень важные, на наш взгляд, тенденции: *ухудшение* положения части работающего населения и *иждивенцев* и *отставание* их реальных доходов от роста номинальных.

В 20–30-е гг. был издан ряд книг и статей, посвященных истории фабрик и заводов, где приводилась характеристика уровня жизни рабочих, но основное внимание уделялось довоенному периоду и революционному движению.

В целом следует отметить, что в отечественной литературе 1920–1980-х гг. отдельные элементы качества жизни населения русского тыла больше увязывались с иллюстрацией ленинского положения о революционной ситуации (резкое обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных масс) (см.: [19, с. 218]). При этом либо игнорировалось вовсе, либо упоминалось как частный случай то положительное, что предпринималось властями, предпринимателями для снижения социальной напряженности и сдерживания падения уровня жизни населения.

В 1990–2000-х гг. в российской и зарубежной историографии повысился интерес к изучению тыла периода Первой мировой войны, о чем свидетельствует появление диссертаций, статей и монографий (см.: [4–7; 11; 13; 22; 42; 48; 55; 57] и др.). В работах, посвященных данной теме, обязательно затрагивают-

ся вопросы качества жизни населения в 1914–1918 годах.

В подходах зарубежных исследователей к изучению ситуации в России в предреволюционный период и в годы революции и гражданской войны сложились две основные школы: «неототалитарная» (А. Улам, Р. Пайпс и др.) и «ревизионистская» (Л. Хеймсон, М. Левин, Ш. Фицпатрик и др.). Представители «тоталитарной школы» изучали историю через призму власти, идеологии, а «ревизионисты» обратились к социальному опыту, действиям, настроениям различных групп населения [18; 37; 56; 59]. И сегодня ряд западных историков отводит экономическому фактору второстепенную роль, считая, что «Россия не рухнула экономически», что «хозяйственный кризис был не “кризисом упадка”, а “кризисом роста”» (см., например: [66]). Вместе с тем в западной литературе признается, что «в расчете на душу населения российская экономика оставалась сравнительно отсталой» [65, р. 238].

Представляет интерес книга британского историка, публициста Макса Хейстингса о быте мирного населения воюющих стран [60]. Автор раскрывает, как мирное население с разным достатком переживало Первую мировую войну. Взлетевшие цены, прежде всего на еду, сильно ударили по населению – в первую очередь по беднякам. Средний класс, наоборот, проявлял оптимизм и патриотическую сознательность. У кого-то из богачей состояние сильно уменьшилось в результате инфляции, однако бизнесмены, имевшие доступ к военным контрактам, процветали. Приводимые факты и выводы М. Хейстингса показывают, что происходившие в западных странах – участницах войны – процессы, связанные с повседневной жизнью населения, были во многом схожи с тем, что происходило в России.

В западной историографии нет единой точки зрения относительно уровня жизни русского населения в предреволюционный период. Так, американский исследователь М. Корт, автор популярного в США издания по российской/советской истории, пишет, что среднестатистический русский крестьянин в 1914 г. жил не лучше, чем в 1860 году [67, р. 34]. То есть никакого улучшения не произошло, но этот подход не может быть научным, так как улучшения в уровне жизни, раз-

меется, были. Другие автор, напротив, завышают уровень потребления народных масс [9, с. 36].

Экономический расчет, активное использование статистического, компаративного методов характерны для работы московского историка А. Маркевича и британского исследователя М. Харрисона «Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг.» [21], удостоенной в России национальной премии по прикладной экономике. Расчеты авторов привели к выводу, что «с годами объем доступного продовольствия на душу населения сократился более чем на 50 %, что повлекло за собой катастрофические последствия. Это сокращение было очень неравномерным: первыми от голода пострадали горожане; затем голод ударил по жителям села. Поводом к Февральской революции 1917 г., положившей конец монархии в России, стали перебои с продовольствием в крупных городах. Пришедшим к власти в октябре 1917 г. большевикам в наследство досталась рухнувшая система распределения продовольствия» [21, с. 25].

Интересна трактовка причин данного явления. По их мнению, спад сельскохозяйственного производства «имел второстепенное значение по сравнению с деформацией рынка, порожденной мобилизацией национальной промышленности и резким сокращением производства тех вещей, для покупки которых крестьяне были готовы продавать свои излишки продовольствия. Крестьяне ушли с рынка, и поток продовольствия из деревни в город превратился в тонкий ручеек. Принимаемые властями меры по распределению среди городского населения продуктов питания по низким ценам, как правило, только усугубляли неравновесие на рынке» [там же, с. 32].

Вместе с тем А. Маркевич и М. Харрисон обоснованно отмечают, что в 1914–1916 гг. «Российская империя гораздо лучше справилась с задачей мобилизации экономики, чем утверждалось в опубликованных ранее работах... положение России в период Первой мировой войны было, по нашим оценкам, не таким плохим, как принято считать. Национальный доход не снижался до конца 1915 г., который был отмечен хорошим урожаем зерновых. К 1916 г. начался экономический спад,

однако он не превысил 10 % довоенного уровня 1913 года» [21, с. 26].

Можно согласиться с выводом данных авторов о том, что неверно было бы связывать русскую революцию исключительно с военными тяготами и ущербом. Необходимо анализировать исторические обстоятельства, которые были специфическими для России того периода. В отечественной историографии появились статьи, авторы которых критически оценивают ряд положений работы А. Маркевича и М. Харрисона (см., например: [38; 39]).

По оценке английского исследователя П. Гатрелла, «ни царское, ни Временное правительство так и не “изобрели” продовольственную политику, которая могла удовлетворить пожелания производителей и нужды потребителей. Российские потребители не голодали, но их доступ к продовольствию зависел все более и более от их собственных усилий получить пищу любыми средствами, включая полуюридические инициативы и прямую конфискацию и перераспределение акций в ходе продовольственных бунтов. Они не могли рассчитывать на гарантированные государством поставки» [64, p. 171–172].

По мнению австрийской исследовательницы Э. Хереш, поворотными в жизни русского тыла можно считать события зимы 1917 г., когда сказалось вызванное войной расстройство снабжения продовольствием и топливом [61, с. 255].

Как отмечается современными исследователями, «...в царской России рухнула в начале не армия, а тыл, не выдержавший перегрузок военного времени. Правящим “верхам” не хватило государственной мудрости и политического искусства, чтобы использовать тот шанс, который давал им кратковременный патриотический порыв 1914 года. Власть не сумела наладить контакт с обществом, ограничиваясь полумерами в деле государственного регулирования экономики и снабжения населения и армии продовольствием... “Верхи” российского общества сами ускорили свою гибель, не сумев остановить девятый вал озлобления и ненависти народа ко всем богатым и власть имущим» [22, с. 399].

Исследователи обратили внимание на влияние экономических факторов на уровень жизни населения: «Падение покупательной

способности денежной единицы автоматически приводило к снижению доходов населения и делало его неизбежным и продолжительным, что в свою очередь вызывало длительное и устойчивое недовольство населения властью и правительством» [54, с. 43]. По мнению В.В. Страхова, «за исключением небольшой прослойки “новых богатеев”, появившихся в селе в военные годы, у массы заметно поредевших в своем численном составе крестьянских семей налицо был лишь номинальный рост денежных доходов. Основной причиной здесь служила возрастающая ускоренными темпами, особенно с середины 1915 г., инфляция» [52, с. 118].

В первый год войны на положении сибирской деревни, по мнению сибирского исследователя В.М. Рыноква, благоприятно сказались прекращение продажи спиртных напитков, не компенсированное еще самогонварением, что привело к повышению производительности труда и к сбережению средств, поскольку выдаваемые государством семьям призванных на фронт денежные пособия удавалось сэкономить в силу безвозмездной помощи в уборке урожая со стороны односельчан [47, с. 254].

О.А. Сухова подметила три существенные тенденции в крестьянской среде, напрямую вытекавшие из запрета свободной продажи алкоголя. Во-первых, заметным явлением в деревне стало трезвенническое движение. Во-вторых, на смену употреблению горячительных напитков в крестьянскую повседневную культуру пришли азартные «картежные» игры. В-третьих, запрещение торговли алкоголем привело к его тайной продаже, росту незаконного производства и потребления [53, с. 87].

Последняя тенденция достаточно подробно освещена В.Б. Аксеновым, попытавшимся выявить, как менялось отношение общества к антиалкогольным мероприятиям. Им отмечен рост употребления алкогольных суррогатов в городе и деревне и производство контрафактной продукции. По мнению В.Б. Аксенова, «неспособность правительства выработать последовательную стратегию действий, а также начавшаяся борьба городских дум и земств за расширение собственной компетенции под лозунгом трезвеннической кампании

превращали “сухой закон” в серьезный фактор дестабилизации социально-экономического положения империи» [1, с. 133, 135].

И.И. Кротт сделал вывод о том, что с осени 1914 г. сибирская деревня оказалась в совершенно новой социально-экономической ситуации, над которой стали выстраиваться поведенческие стратегии сельских жителей. Им отмечены усиление социально-имущественной дифференциации населения, рост в тылу в течение войны различных проявлений отклоняющегося поведения, хулиганства, упадок нравственности [15, с. 103, 114, 115].

М.А. Фельдман выявил социальную неоднородность ижевско-воткинских рабочих, как местных, так и пришлых. Он отметил, что к 1917 г. «сложился достаточно обширный слой рабочих-собственников, у которых крестьянские традиции уважительного отношения к земле соединились с дисциплинированностью и другими навыками индустриальных рабочих». И далее: «В целом, для большинства “местных” уральских рабочих подсобное хозяйство служило заметной прибавкой к главному источнику существования – заводскому заработку». Большое значение имела бесплатная медицинская помощь рабочим казенных заводов. Ситуация, по мнению М.А. Фельдмана, меняется в 1914–1917 гг., когда увеличивается доля рабочих из числа пришлого населения, уровень жизни, квалификации и образования которых был ниже [58, с. 14–15].

А.А. Ильехов, анализируя динамику материального положения городских жителей в годы революции и гражданской войны, привел сравнительные данные по довоенному и военному периодам, включив в описание материального положения такие параметры, как питание и характер его получения, одежду, уровень заработной платы и цен в динамическом развитии, состояние здоровья и его охрану, влияние эпидемий на жизнь людей, характер их социального обеспечения и быта. По его мнению, прослеживается закономерность: чем меньше город, чем больше его жители пашут и сеют, тем ниже у них формальный прожиточный минимум. В таких городах война резко увеличила натурализацию хозяйства. Автор пришел к выводу, что при падении заработка калорийность питания рабочего сокращалась медленнее общего сокращения бюджета [12].

В 1914–1916 гг. тыл повысил потребление ранее недоступных для него продуктов: мяса, сахара, масла, белого хлеба. Как отмечается в исследованиях, причиной явились «пайковые» выплаты от государства семьям солдат. Прежде всего, право на получение пособия предоставлялось женам и детям мобилизованных или вступивших в армию добровольно, затем ближайшим родственникам – отцу, матери, деду и бабушке, братьям и сестрам, если они находились на содержании призванного. В начале войны в среднем на одного взрослого человека приходилось более 2 руб. в месяц.

На промышленных предприятиях была установлена помощь семьям призванных в армию рабочих и служащих (в размере половины оклада призванного работника). В дальнейшем ежегодно в августе или при существенном изменении цен на продукты стоимость пайка пересматривалась. По приведенным саратовскими историками Е.К. Максимовым и В.П. Тотфалушиным данным, в итоге месячный паек с 3 руб. (на 31 декабря 1914 г.) вырос до 4 руб. 8 коп. (на 1 марта 1917 г.), или на 136 %, но он намного отставал от роста товарных цен [20, с. 8].

Похожие примеры деятельности администрации предприятий по улучшению материального положения работающих приводятся и другими исследователями [4, с. 71–72].

По мнению М.В. Оськина, если даже учесть все погрешности, то в России население в целом стало есть мяса больше, чем в Германии, до войны являвшейся лидером по его потреблению (54 кг в год) [36, с. 146]. Однако законом «О мерах к сокращению потребления населением мяса и продаже мясных продуктов», принятым 31 мая 1916 г. Государственной думой, вводились ограничения на убой крупного рогатого скота и продажу мясных продуктов населению. Эта мера уменьшила прежнее годовое потребление мяса всем населением страны на 984 тыс. т, то есть на 75 % [35, с. 53].

В.А. Скубневский привел данные обследования, проведенного в 1916 г. в Омске, которые показывают, что даже в условиях роста цен, падения реальной заработной платы рабочие города потребляли больше продуктов, чем многие другие категории населения страны. Вместе с тем потребление пищевых

продуктов в пролетарских районах, в среднем по городу и в центральных районах, где жили более обеспеченные слои, различалось. Так, в рабочих районах мяса потреблялось 5,09 пудов в год, в среднем по городу – 5,92, в центральных районах – 7,5 пуд. Отличались жители рабочих окраин и меньшим потреблением жиров и молока: сала рабочие потребляли 16,1 фунта в год, в среднем по городу – 20,2; соответственно сливочного масла – 25,1 и 40 фунтов, молока – 28,9 и 35,6 четверти. Ниже на окраинах города оказались нормы потребления яиц (205 и 275 шт. в год) и сахара (57 и 66 фунтов). В большинстве семей употребляли в пищу картофель, в среднем по 6 пудов на человека [49, с. 125–126].

Можно согласиться с выводом С.В. Тютюкина о том, что война «остро поставила перед пролетариатом и всеми городскими “низами” проблему их физического выживания и депопуляции, резко активизируя протестное движение в стране» [6, с. 140].

Но одновременно обоснован и вывод И.Б. Беловой: «Дефицит и дороговизна продуктов и товаров сказывались на настроении населения в основном низкого и среднего уровня обеспеченности. Однако столкновения с торговцами не получили в провинции массового распространения. Большинство населения, страдающего от дефицита и дороговизны, не прибегало к публичному выражению недовольства качеством жизни. Это свидетельствует о том, что продовольственная ситуация в провинции, вызванная тяготами военного времени, до февраля 1917 г. не носила катастрофического характера» [4, с. 78].

Ряд исследователей акцентирует внимание на анализе умонастроений, морально-этических норм поведения различных слоев общества. С.Ю. Шишкина обратила внимание на четко обозначившуюся центральную линию конфликта в тылу – «противоречие между интересами потребителей (как государства, так и частных лиц) продовольствия и предметов первой необходимости, с одной стороны, и интересами производителей и торговцев – с другой». В результате трудности военного времени способствовали эволюции общественных настроений населения в сторону усиления критики правительства и его деятельности, неприятия войны [63, с. 179].

Изучая материалы по уральскому региону, О.С. Поршнева отметила рост с лета 1915 г. стихийного недовольства малоимущих слоев населения городов, прежде всего женщин-солдаток, перебоями в снабжении и дороговизной основных продуктов питания и предметов первой необходимости. В 1916 г. продовольственные волнения стали возникать и среди крестьянского населения Урала [40, с. 467–468].

В исследованиях последних десятилетий особо выделяется такая категория населения, как беженцы. В начале войны их количество не выходило за рамки внутренних миграций мирного времени. Но к середине сентября 1915 г. в губерниях было уже около 750 тыс. вынужденных переселенцев, к началу 1916 г. только маршрутными поездами было эвакуировано на восток свыше 2 млн человек. Общее количество перемещенных лиц составило в России в годы Первой мировой войны около 5 млн человек [16, с. 136; 17, с. 104]. Судьбы многих из них складывались трагически. По мнению сибирского исследователя Ю.П. Горелова, повседневная жизнь многих беженцев сближала их с военнопленными. Они долго перевозились, размещали их в «отстойниках» вместе с военнопленными, они приобретали множество различных заболеваний и были разносчиками инфекций (тиф, корь). Жили многие из них в плохо отапливаемых помещениях, общежитиях-казармах, либо в помещениях торгового склада, в старых зданиях, в железнодорожных вагонах, бараках и даже в лагерях для военнопленных. Обеспечение продовольствием было на уровне солдатских норм: взрослым в день $\frac{3}{4}$ фунта мяса, $\frac{1}{2}$ фунта черного хлеба, чай; детям выдавали бутылку молока, фунт белого хлеба, полпорции горячего блюда с мясом [8, с. 66, 70].

Вместе с тем нельзя забывать, что 30 августа 1915 г. Николай II утвердил закон «Об обеспечении нужд беженцев» [50]. Историк К.А. Степанов достаточно подробно проанализировал деятельность Татьянинского Комитета (Комитет под почетным председательством Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны был образован 14 сентября 1914 г.) в Ярославской губернии по оказанию помощи беженцам. Автор выявил, что отношения беженцев с мест-

ным населением были непростыми. Особое внимание К.А. Степанов уделил детям-беженцам и пришел к выводу, что благодаря деятельности Татьянинского Комитета, дети-беженцы «лучше адаптировались в местах нового проживания» [51, с. 59–60, 61]. К сожалению, исследований о положении детей-беженцев и оказании им помощи пока мало.

В. Руга, А. Кокорев, Ю. Бахурин указали на обострение отношений между местным населением Москвы и прибывавшими беженцами, особенно с увеличением числа последних. Рост нервозности среди жителей второй столицы объяснялся ухудшением условий жизни москвичей, дефицитом продовольствия и топлива, очередями, на тот момент еще бывшими в диковинку [3, с. 173, 353–354].

Аналогичная ситуация наблюдалась и во многих других регионах. Начальник Самарского губернского жандармского управления М.И. Познанский докладывал в конце 1915 г.: «Отношение крестьян по-прежнему к беженцам-нееврейам хорошее, всюду им был оказываем радушный прием, но нередко все-таки со стороны крестьян высказывается опасение, чтобы беженцы не занесли бы в сельское население заразных болезней.

Что же касается евреев-беженцев, то к ним местное население относится враждебно. Их прибытию всецело приписывают уменьшение звонкой монеты и считают их безусловно причастными к вздорожанию предметов первой необходимости» [62, оп. 1, д. 2127, л. 49].

Новый виток дискуссии о качестве жизни россиян в предвоенный и военный периоды связан с полемикой Б.Н. Миронова и С.А. Нефедова о благосостоянии населения и революции в России (см.: [23; 27; 28; 32; 34; 43] и др.). По мнению первого, поскольку «российская модернизация привела к росту благосостояния населения, ее следует признать успешной, несмотря на все издержки». Причины революции он видит в следующем: «Рост экономики стал дестабилизирующим фактором даже в большей степени, чем стагнация, так как вызвал изменения в ожиданиях, образцах потребления, социальных отношениях и политической культуре, которые подрывали традиционные устои старого режима. Если бедность плодит голодных, то улучшения вызывают более высокие ожидания. Военные трудности после дли-

тельного периода повышения уровня жизни также послужили важным фактором революции» [26, с. 136].

Вместе с тем Миронов считает, что хотя трудности военного времени были существенными, особенно в столицах и больших городах, но их не следует преувеличивать [29, с. 11].

Для анализа динамики уровня жизни в дореволюционный период он использует антропометрические данные, применяя показатель дефинитивного роста людей, достигаемого к моменту наступления полной физической зрелости. Рост мужчины рассматривается как показатель уровня жизни в год его рождения. Увеличение роста должно свидетельствовать о повышении уровня жизни, а уменьшение – о его понижении. Увеличение роста – основной аргумент Б.Н. Миронова в дискуссии об уровне жизни населения и причинах революции в России [23].

По мнению его главного оппонента екатеринбургского историка С.А. Нефедова, рост не является характеристикой уровня жизни в год рождения. Дефинитивный рост отражает условия жизни в основном в период пубертатного скачка, происходившего до середины XX столетия в 14–18 лет. С.А. Нефедов считает, что в России в 1900–1905 гг. уровень жизни рос, а после 1905 г. начал падать, но скорее всего (с учетом возможного сдвига) падение началось уже в 1905 году. Оно продолжилось до 1910 г., затем до 1915 г. потребление возрастало, а с 1916 г. начало уменьшаться, и только с 1923 г. наблюдается новый рост уровня жизни [33, с. 132].

Проблему питания исследователи рассматривают с разных позиций. Они опираются на итоги расчета продовольственного баланса для хлеба и картофеля и делают различные выводы об уровне питания в предреволюционной России. Б.Н. Миронов и М.А. Давыдов оценивают его позитивно. Свою точку зрения Миронов подкрепляет антропометрическими показателями, а Давыдов – данными об экспорте хлеба, продовольственной помощи в годы неурожая. Нефедов доказывает, опираясь на данные статистики урожая и населения, что уровень питания был низким [10; 24; 30–33].

На наш взгляд, в конструкции Б.Н. Миронова явным образом просвечивает идеализация ситуации с продовольствием и в целом с

качеством жизни российского населения до февраля 1917 года. Что касается выводов С.А. Нефедова, то на основе многочисленных фактов правомернее говорить, что в 1916 г. началось не *снижение* уровня жизни, а *ухудшение* положения большинства населения тыла, причем данная тенденция только усиливалась.

Трансформация российского общества 1914 – начала 1917 г. сопровождалась рядом негативных явлений и процессов, связанных с качеством жизни: углублением расслоения общества по уровню материального обеспечения; ухудшением состояния здоровья населения, особенно его трудоспособной части, в том числе за счет ранений, контузий на фронте; усилением диспропорции в возрастной структуре населения; высоким уровнем региональной дифференциации.

Таким образом, в современной историографии вопрос о качестве жизни населения России в период Первой мировой войны остается острым, дискуссионным, противоречивым, требующим применения междисциплинарного подхода, уточнения понятий и статистических показателей, выявления и введения в научный оборот дополнительных исторических фактов. В большинстве случаев оценка качества жизни в исследуемый период носит сравнительный, а не абсолютный характер, поэтому важен выбор оснований (критериев) этого сравнения и определение шкал оценки. На наш взгляд, довольно слабо изучена роль городских органов самоуправления в решении жилищных вопросов в рассматриваемый период. Целесообразно создание энциклопедии о Великой войне, раскрывающей различные стороны данного явления, включая динамику качества жизни населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов, В. Б. «Сухой закон» 1914 года: от придворной интриги до революции / В. Б. Аксенов // Российская история. – 2011. – № 4. – С. 126–139.
2. Архив истории труда в России. – Пг. : Культпросветотдел, 1923. – Кн. 9. – 163 с.
3. Бахурин, Ю. Вынужденные переселенцы из западных окраин Российской империи в Москве и Московской губернии (1914–1917 гг.) / Ю. Бахурин // Великая война. Сто лет. – СПб. : Нестор-История, 2014. – С. 170–190.

4. Белова, И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914–февраль 1917 г. / И. Б. Белова. – М. : АИРО-XXI, 2011. – 288 с.
5. Букалова, С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (июль 1914 – февраль 1917 г.) : дис. ... канд. ист. наук / Букалова Светлана Владимировна. – Орел, 2005. – 307 с.
6. Война и общество в XX веке : в 3 кн. Кн. 1 : Война и общество накануне и в период Первой мировой войны / науч. рук. В. А. Золотарев ; отв. ред. С. В. Листиков. – М. : Наука, 2008. – 611 с.
7. Горелов, Ю. П. Вклад сибиряков в защиту Отечества в войнах начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Горелов Юрий Павлович. – Кемерово, 2003. – 520 с.
8. Горелов, Ю. П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны / Ю. П. Горелов // Сибирь: XX век : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2002. – С. 66–73.
9. Грегори, П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки / П. Грегори. – М. : РОССПЭН, 2003. – 256 с.
10. Давыдов, М. А. К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX – начале XX в. / М. А. Давыдов // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 168–176.
11. Еремин, И. А. Западносибирский тыл России в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 г.) : дис. ... д-ра ист. наук / Еремин Игорь Александрович. – Барнаул, 2006. – 618 с.
12. Ильюхов, А. А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.) / А. А. Ильюхов. – М. : РОССПЭН, 2007. – 264 с.
13. Китанина, Т. М. Россия в Первой мировой войне в 1914–1914 гг. Экономика и экономическая политика. В 2 ч. Ч. 1. Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 – середина 1916 г. / Т. М. Китанина. – СПб., 2003. – 143 с.
14. Кондратьев, Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / Н. Д. Кондратьев. – М. : Наука, 1991. – 487 с.
15. Кротт, И. И. Сельское хозяйство Западной Сибири. 1914–1917 гг. / И. И. Кротт // Вопросы истории. – 2011. – № 11. – С. 103–118.
16. Курцев, А. И. Беженство / А. И. Курцев // Россия и Первая мировая война : материалы Междунар. науч. коллоквиума. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. – С. 139–146.
17. Курцев, А. И. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) / А. И. Курцев // Вопросы истории. – 1999. – № 8. – С. 98–113.
18. Левин, М. Советский век / М. Левин. – М. : Европа, 2008. – 680 с.
19. Ленин, В. И. Крах II Интернационала / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 26. – С. 211–265.
20. Максимов, Е. К. Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны / Е. К. Максимов, В. П. Тотфалушин. – Саратов : Науч. кн., 2007. – 124 с.
21. Маркевич, А. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. / А. Маркевич, М. Харрисон. – М. : Мысль, 2013. – 111 с.
22. Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. – М. : Наука, 2002. – 686 с.
23. Миронов, Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века / Б. Н. Миронов. – 2-е изд., испр., доп. – М. : Весь мир, 2012. – 848 с.
24. Миронов, Б. Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? / Б. Н. Миронов // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 3 (20). – С. 83–95.
25. Миронов, Б. Н. Модернизация имперской России и благополучие населения / Б. Н. Миронов // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 137–155.
26. Миронов, Б. Н. Страсти по исторической антропологии / Б. Н. Миронов // Вопросы истории. – 2011. – № 4. – С. 122–139.
27. Миронов, Б. Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации / Б. Н. Миронов. – М. : Весь мир, 2013. – 336 с.
28. Миронов, Б. Н. Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации / Б. Н. Миронов // СоцИс. – 2013. – № 10. – С. 29–39.
29. Миронов, Б. Н. Уроки революции 1917 года, или Кому на Руси жить плохо / Б. Н. Миронов // Родина. – 2011. – № 12. – С. 8–13.
30. Нефедов, С. А. Влияние революции 1917 г. на динамику потребления пищевых продуктов / С. А. Нефедов // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 3 (20). – С. 96–107.
31. Нефедов, С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России конца XV – начала XX в. / С. А. Нефедов. – Екатеринбург, 2005. – С. 242–386.
32. Нефедов, С. А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX в. / С. А. Нефедов // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 155–162.
33. Нефедов, С. А. Уровень жизни населения в дореволюционной России / С. А. Нефедов // Вопросы истории. – 2011. – № 5. – С. 127–136.
34. О причинах русской революции. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 432 с.
35. Оськин М. В. Армия и продовольственное снабжение / М. В. Оськин // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 3. – С. 52–54.

36. Оськин, М. В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. / М. В. Оськин // Вопросы истории. – 2010. – № 3. – С. 144–152.
37. Пайпс, Р. Русская революция. В 3 кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917 / Р. Пайпс. – М. : Захаров, 2005. – 480 с.
38. Поликарпов, В. В. Производство вооружений в России в начале XX в. / В. В. Поликарпов // Вопросы истории. – 2014. – № 5. – С. 87–98.
39. Поликарпов, В. В. Военная промышленность России начала XX в. в историческом разрезе / В. В. Поликарпов // Политическая концептология. – 2014. – № 2. – С. 182–213.
40. Поршнева, О. С. Проблемы войны и мира в общественной борьбе на Урале, 1914–1918 / О. С. Поршнева // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы. – М., 1994. – С. 463.
41. Первая мировая война: Пролог XX века. – М. : Наука, 1998. – С. 463–474.
42. Посадский, А. В. Социально-политические интересы крестьянства и их проявление в 1914–1921 гг. (на материалах Саратовского Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. В. Посадский. – Саратов, 1997. – 22 с.
43. Революция как зеркало качества жизни? // Родина. – 2010. – № 9. – С. 88–95.
44. Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). – М. : Центральное статистическое управление. Отдел военной статистики, 1925. – 104 с.
45. Россия в Первой мировой войне: новые направления исследований : сб. обзоров и рефератов. – М. : ИНИОН РАН, 2013. – 232 с.
46. Руга, В. Война и москвичи. Очерки городского быта 1914–1917 гг. / В. Руга, А. Кокорев. – М. : ОЛМА : Медиа Групп, 2008. – 479 с.
47. Рынков, В. М. Первый год Первой мировой войны – сельское хозяйство Томской губернии во второй половине 1914 – первой половине 1915 г. / В. М. Рынков // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., г. Омск, 30–31 марта 2006 г. – Омск : Изд-во ОмГАУ, 2006. – Ч. I. – С. 253–256.
48. Семенова, Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. – февраль 1917 г.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Семенова Екатерина Юрьевна. – Саратов, 2013. – 50 с.
49. Скубневский, В. А. Обследование питания населения Омска в 1916 г. / В. А. Скубневский // Проблемы источниковедения истории Сибири. – Барнаул, 1992. – С. 122–133.
50. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. 1 сентября 1914 г. – № 242. – Ст. 1842.
51. Степанов, К. А. Татянинский Комитет в Ярославской губернии в годы Первой мировой войны / К. А. Степанов // Вопросы истории. – 2014. – № 10. – С. 49–63.
52. Страхов, В. В. К вопросу о доходах русского крестьянства в период Первой мировой войны / В. В. Страхов // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. : XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы : тез. докл. и сообщений. – М., 2014. – С. 116–119.
53. Сухова, О. «Кабы водку не запретили, не добыть бы нам свободы» / О. Сухова // Родина. – 2014. – № 8. – С. 85–87.
54. Толстогузов, С. А. Финансовый кризис и революция в России: опыт сравнительного анализа / С. А. Толстогузов // Падение империи, революция и гражданская война в России. – М. : Социально-политическая мысль, 2010. – С. 38–52.
55. Трошина, Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны / Т. И. Трошина. – Архангельск, 2012. – 213 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124193002.pdf> (дата обращения: 22.11.2014). – Загл. с экрана.
56. Улам, А. Большевики. Причины и последствия переворота 1917 г. / А. Улам. – М. : Центрполиграф, 2004. – 512 с.
57. Федоров, А. Н. Социальные процессы в российском губернском городе в условиях революции и Гражданской войны: 1917–1920 гг. : (На материалах Центрального промышленного района) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Федоров Алексей Николаевич. – М., 2010. – 24 с.
58. Фельдман, М. А. Ижевско-Воткинское рабочее восстание сквозь призму социальной истории России / М. А. Фельдман // Российская история. – 2012. – № 3. – С. 12–20.
59. Хеймсон, Л. Об истоках революции / Л. Хеймсон // Отечественная история. – 1993. – № 6. – С. 3–15.
60. Хейстингс, М. Первая мировая война: Катастрофа 1914 года / М. Хейстингс. – М. : Альпина Нон-фикшн, 2014. – 604 с.
61. Хереш, Э. Николай II / Э. Хереш. – Ростов н/Д : Феникс, 1998. – 416 с.
62. Центральный государственный архив Самарской области. – Ф. 468. Самарское губернское жандармское управление.
63. Шишкина, С. Ю. Патриотизм и толерантность: к вопросу об эволюции общественных настроений в годы Первой мировой войны (на материалах Зауралья) / С. Ю. Шишкина // Вестник Удмуртского университета. – 2006. – № 7. – С. 191–203.

64. Gatrell, P. Russian's First World War: a Social and Economic History / P. Gatrell. – Harlow, England : Longman, 2005. – XX, 318 p.

65. Gatrell, P. Poor Russia, Poor Show: Mobilising a Backward Economy for War, 1914–1917 / P. Gatrell // The Economics of World War I. – Cambridge University Press, 2005. – P. 235–275.

66. Holquist, P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921 / P. Holquist. – Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 2002. – 352 p.

67. Kort, M. The Soviet Colossus: History and Aftermath / M. Kort. – N. Y., 2001. – 465 p.

REFERENCES

1. Aksenov V.B. “Sukhoy zakon” 1914 goda: ot pridvornoy intrigi do revolyutsii [“Dry Law” of 1914: From Court Intrigue to Revolution]. *Rossiyskaya istoriya*, 2011, no. 4, pp. 126-139.

2. *Arkhiv istorii truda v Rossii* [The Archive of Labour History in Russia]. Petrograd, Kultprosvetotdel Publ., 1923, Book 9. 163 p.

3. Bakhurin Yu. Vynuzhdennye pereselentsy iz zapadnykh okrain Rossiyskoy imperii v Moskve i Moskovskoy gubernii (1914-1917 gg.) [Forced Immigrants From Western Outskirts of the Russian Empire in Moscow and Moscow Province (1914-1917)]. *Velikaya voyna. Sto let* [The Great War. 100th Anniversary]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014, pp. 170-190.

4. Belova I.B. *Pervaya mirovaya voyna i rossiyskaya provintsiya. 1914 - fevral 1917 g.* [The First World War and the Russian Province (1914-February of 1917)]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2011. 288 p.

5. Bukalova S.V. *Orlovskaya guberniya v gody Pervoy mirovoy voyny: sotsialno-ekonomicheskie, organizatsionno-upravlencheskie i obshchestvenno-politicheskie aspekty (iyul 1914 - fevral 1917 g.): diss. ... kand. ist. nauk* [The Orlov Province During the First World War: Social and Economic, Organizational and Management, and Social and Political Aspects (July of 1914-February of 1917). Cand. hist. sci. diss.]. Orel, 2005. 307 p.

6. Zolotarev V.A., Listikov S.V., ed. *Voyna i obshchestvo v XX veke. V 3 kn. Kn. 1. Voyna i obshchestvo nakanune i v period Pervoy mirovoy voyny* [War and Society in the 20th Century. In 3 Books. Book 1. War and Society on the Eve and During the First World War]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 611 p.

7. Gorelov Yu.P. *Vklad sibiryakov v zashchitu Otechestva v voynakh nachala XX veka: dis. ... d-ra ist. nauk* [The Contribution of Siberians in the Protection of Homeland During the Wars at the

Beginning of the 20th Century. Dr. hist. sci. diss.]. Kemerovo, 2003. 520 p.

8. Gorelov Yu.P. Priem bezhentsev v Sibiri v gody Pervoy mirovoy voyny [The Reception of Refugees in Siberia During the First World War]. *Sibir: XX vek. Mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov Vyp. 4.* [Sibir: 20th Century. Interuniversity Collection of Academic Works. Iss. 4]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2002, pp. 66-73.

9. Gregori P. *Ekonomicheskii rost Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX v.). Novye podshchety i otsenki* [Economic Growth of the Russian Empire (End of 19th – First Half of 20th Century). New Calculations and Assessments]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 256 p.

10. Davydov M.A. K voprosu o potreblenii naseleniya v Rossii v kontse XIX - nachale XX v. [To the Issue of Population's Consumption in Russia in the End of 19th - First Half of 20th Century]. *Rossiyskaya istoriya*, 2009, no. 2, pp. 168-176.

11. Eremin I.A. *Zapadnosibirskiy tyl Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (iyul 1914 - mart 1918 g.): dis. ... d-ra ist. nauk* [Western Siberian Back Area of Russia During the First World War (July of 1914 - March of 1918). Dr. hist. sci. diss.]. Barnaul, 2006. 618 p.

12. Ilyukhov A.A. *Zhizn v epokhu peremen: materialnoe polozhenie gorodskikh zhiteley v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny (1917-1921 gg.)* [Life In the Age of Changes: Financial Conditions of Citizens During Revolution and Civil War (1917-1921)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 264 p.

13. Kitanina T.M. *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne v 1914-1914 gg. Ekonomika i ekonomicheskaya politika. V 2 ch. Ch. 1. Ekonomicheskaya politika tsarskogo pravitelstva v pervye gody voyny. 1914 - seredina 1916 g.* [Russia in the First World War (1914-1917). Economy and Economic Policy. In 2 Parts. Part 1. Economic Policy of Tsar Government During the First War Years (1914 - mid 1916)]. Saint Petersburg, 2003. 143 p.

14. Kondratyev N.D. *Rynok khlebov i ego regulirovanie vo vremena voyny i revolyutsii* [Bread Market and Its Regulation During the War and Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 487 p.

15. Krott I.I. *Selskoe khozyaystvo Zapadnoy Sibiri. 1914-1917 gg.* [Agriculture of Western Siberia (1914-1917)]. *Voprosy istorii*, 2011, no. 11, pp. 103-118.

16. Kurtsev A.I. *Bezhenstvo* [Refugee]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma* [Russia and the First World War: Proceedings of International Academic Colloquium]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1999, pp. 139-146.

17. Kurtsev A.I. *Bezhenstsy Pervoy mirovoy voyny v Rossii (1914-1917)* [Refugees of the First World War (1914-1917)]. *Voprosy istorii*, 1999, no. 8, pp. 98-113.

18. Levin M. *Sovetskiy vek* [Soviet Century]. Moscow, Evropa Publ., 2008. 680 p.
19. Lenin V.I. Krakh II Internatsionala [Failure of the 2nd International]. *Polnoe sobranie sochineniy T. 26* [Full Collection of Works. Vol. 26], pp. 211-265.
20. Maksimov E.K., Totfalushin V.P. *Saratovskoe Povolzhye v gody Pervoy mirovoy voyny* [Saratov Volga Region During the First World War]. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2007. 124 p.
21. Markevich A., Kharrison M. *Pervaya mirovaya voyna, Grazhdanskaya voyna i vosstanovlenie: natsionalnyy dokhod Rossii v 1913-1928 gg.* [The First World War, Civil War and Restoration: National Income of Russia in 1913-1928]. Moscow, Mysl Publ., 2013. 111 p.
22. *Mirovye voyny XX veka. V 4 kn. Kn. 1. Pervaya mirovaya voyna* [World Wars of the 20th Century. In 4 Books. Book 1. The First World War.]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 686 p.
23. Mironov B.N. *Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii. XVIII - nachalo XX veka* [Welfare of Population and Revolution in Imperial Russia. 18th – First Half of 20th Century]. 2nd ed., rev., add. Moscow, Ves mir Publ., 2012. 848 p.
24. Mironov B.N. Dostatochno li proizvodilos pishchevykh produktov v Rossii v XIX - nachale XX v.? [If There Were Enough Food in 19th – First Half of the 20th ?]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2008, no. 3 (20), pp. 83-95.
25. Mironov B.N. Modernizatsiya imperskoy Rossii i blagosostoyanie naseleniya [Modernization of Imperial Russia and Welfare of Population]. *Rossiyskaya istoriya*, 2009, no. 2, pp. 137-155.
26. Mironov B.N. Strasti po istoricheskoy antropometrii [Passion Over Historical Anthropometry]. *Voprosy istorii*, 2011, no. 4, pp. 122-139.
27. Mironov B.N. *Strasti po revolyutsii: Nravny v rossiyskoy istoriografii v vek informatsii* [Passion Over Revolution: Characters in the Russian Historiography in the Information Age]. Moscow, Ves mir Publ., 2013. 336 p.
28. Mironov B.N. Russkaya revolyutsiya 1917 goda kak pobochnyy produkt modernizatsii [Russian Revolution of 1917 as a Side Product of Modernization]. *SotsIs*, 2013, no. 10, pp. 29-39.
29. Mironov B.N. Uroki revolyutsii 1917 goda, ili Komu na Rusi zhit plokh [Lessons of the Revolution of 1917, or Who Lives Badly in Russia]. *Rodina*, 2011, no. 12, pp. 8-13.
30. Nefedov S.A. Vliyanie revolyutsii 1917 g. na dinamiku potrebleniya pishchevykh produktov [The Influence of Revolution of 1917 on the Dynamics of Food Consumption]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, 2008, no. 3 (20), pp. 96-107.
31. Nefedov S.A. *Demograficheski-strukturnyy analiz sotsialno-ekonomicheskoy istorii Rossii kontsa XV - nachala XX v.* [Demographic and Structural Analysis of Social and Economic History of Russia in the End of the 15th – First Half of the 20th Century]. Ekaterinburg, 2005, pp. 242-386.
32. Nefedov S.A. O svyazi demograficheskikh pokazateley i potrebleniya v Rossii kontsa XIX - nachala XX v. [On the Connection of Demographic Indicators and Consumption]. *Rossiyskaya istoriya*, 2009, no. 2, pp. 155-162.
33. Nefedov S.A. Uroven zhizni naseleniya v dorevolutsionnoy Rossii [The Living Standards of population in Pre-Revolutionary Russia]. *Voprosy istorii*, 2011, no. 5, pp. 127-136.
34. *O prichinakh russkoy revolyutsii* [On the Reasons of Russian Revolution]. Moscow, LKI Publ., 2010. 432 p.
35. Oskin M.V. Armiya i prodovolstvennoe snabzhenie [Army and Food Supply]. *Voennno-istoricheskiy zhurnal*, 2006, no. 3, pp. 52-54.
36. Oskin M.V. Russkaya armiya i prodovolstvennyy krizis v 1914-1917 gg. [Russian Army and Food Crisis in 1914-1917]. *Voprosy istorii*, 2010, no. 3, pp. 144-152.
37. Payps P. *Russkaya revolyutsiya. V 3 kn. Kn. 1. Agoniya starogo rezhima. 1905-1917* [Russian Revolution. In 3 Books. Book 1. Agony of Old Regime (1905-1907)]. Moscow, Zakharov Publ., 2005. 480 p.
38. Polikarpov V.V. Proizvodstvo vooruzheniy v Rossii v nachale XX v. [Armament Production in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Voprosy istorii*, 2014, no. 5, pp. 87-98.
39. Polikarpov V.V. Voennaya promyshlennost Rossii nachala XX v. v istoricheskom razreze [Military Industry of Russia at the Beginning of the 20th Century From the Historical Viewpoint]. *Politicheskaya kontseptologiya*, 2014, no. 2, pp. 182-213.
40. Porshneva O.S. Problemy voyny i mira v obshchestvennoy borbe na Urale, 1914-1918 [Problems of War and Peace in Social Struggle in Ural Region (1914-1918)]. *Pervaya mirovaya voyna. Diskussionnye problemy* [First World War. Discussion Problems]. Moscow, 1994, p. 463.
41. *Pervaya mirovaya voyna: Prolog XX veka* [The First World War. Prologue of the 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1998, pp. 463-474.
42. Posadskiy A.V. *Sotsialno-politicheskie interesy krestyanstva i ikh proyavlenie v 1914-1921 gg. (na materialakh Saratovskogo Povolzhya): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Social and Political Interests of Peasantry and Their Manifestation in 1914-1921. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saratov, 1997. 22 p.
43. Revolyutsiya kak zerkalo kachestva zhizni? [Revolution as a Mirror of Life Quality]. *Rodina*, 2010, no. 9, pp. 88-95.
44. *Rossiya v mirovoy voyne 1914-1918 gg. (v tsifrah)* [Russia in the World War of 1914-1918 (in

Figures)]. Moscow, Tsentralnoe statisticheskoe upravlenie. Otdel voennoy statistiki, 1925. 104 p.

45. *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne: novye napravleniya issledovaniy: sbornik obzorov i referatov* [Russia in the First World War: New Directions of Research. Collected Theses and Reviews]. Moscow, izd-vo INION RAN, 2013. 232 p.

46. Ruga V., Kokorev A. *Voyna i moskvichi. Ocherki gorodskogo byta 1914-1917 gg.* [War and Moscow Citizens. Essays on Urban Life in 1914-1917]. Moscow, OLMA Publ., Media Grupp Publ., 2008. 479 p.

47. Rynkov V.M. *Pervyy god Pervoy mirovoy voyny - selskoe khozyaystvo Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine 1914 - pervoy polovine 1915 g.* [The First Year of the First World War – Agriculture of Tomsk Province in the Second Half of 1914 – First Half of 1915]. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Omsk, 30-31 marta 2006 g.* [Siberian Village: History, Modern State, Development Prospects: Proceedings of the 6th International Research and Practice Conference, Omsk, March 30-31, 2006]. Omsk, izd-vo OmGAU, 2006, Part 1, pp. 253-256.

48. Semenova E.Yu. *Vliyanie Pervoy mirovoy voyny na mirovozzrenie, obshchestvennyye nastroyeniya i povedencheskie praktiki gorodskogo naseleniya povolzhskikh guberniy Rossiyskoy imperii (iyul 1914 g. - fevral 1917 g.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The Influence of the First World War on Ideology, Social Moods and Behavior of Urban Population of Volga Region Settlements in the Russian Empire (July of 1914-February of 1917): Dr. hist. sci. abs. diss.]. Saratov, 2013. 50 p.

49. Skubnevskiy V.A. *Obsledovanie pitaniya naseleniya Omska v 1916 g.* [The Study of Omsk Population's Nutrition in 1916]. *Problemy istochnikovedeniya istorii Sibiri* [The Problem of Source Studies of Siberian History]. Barnaul, 1992, pp. 122-133.

50. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva. Otdel I* [Collected Legalizations and Decrees by Government. Section 1]. September 1, 1914, no. 242, art. 1842.

51. Stepanov K.A. *Tatyaninskiy Komitet v Yaroslavskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Tatyana Committee in Yaroslav Province During the First World War]. *Voprosy istorii*, 2014, no. 10, pp. 49-63.

52. Strakhov V.V. *K voprosu o dokhodakh rossiyskogo krestyanstva v period Pervoy mirovoy voyny* [To the Issues on Russian Peasants Incomes During the First World War]. *Fiskalnaya politika i nalogovo-povinnostnye praktiki v agrarnoy istorii Rossii X-XXI vv.: XXXIV sessiya Simpoziuma po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy: tezisy dokladov i soobshcheniy* [Fiscal Policy and Fiscal Practices in

Agrarian History of Russia of 10th-21st Centuries: 36th Session of the Simpozium on Agrarian History of Eastern Europe. Theses of Reports]. Moscow, 2014, pp. 116-119.

53. Sukhova O. "Kaby vodku ne zapretili, ne dobyt by nam svobody" [If Vodka Was Not Prohibited, We Would Not Achieve Freedom]. *Rodina*, 2014. no. 8, pp. 85-87.

54. Tolstoguzov S.A. *Finansovyy krizis i revolyutsiya v Rossii: opyt sravnitel'nogo analiza* [Financial Crisis and Revolution in Russia. The Experience of Comparative Analysis]. *Padenie imperii, revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Rossii* [Empire Fall-Down, Revolution and Civil War in Russia]. Moscow, Sotsialno-politicheskaya mysl Publ., 2010, pp. 38-52.

55. Troshina T.I. *Velikaya voyna i Severnyy kray: Evropeyskiy Sever Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Great War and Northern Region: European North of Russia During the First World War]. Arkhangel'sk, 2012. 213 p. Available at: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/124193002.pdf> (accessed November 22, 2014).

56. Ulam A. *Bolsheviki. Prichiny i posledstviya perevorota 1917 g.* [Bolsheviks. Causes and Consequences of the Turnover of 1917]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 512 p.

57. Fedorov A.N. *Sotsialnye protsessy v rossiyskom gubernskom gorode v usloviyakh revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: 1917-1920 gg.: (Na materialakh Tsentralnogo promyshlennogo rayona): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Social Processes in Russian City in the Conditions of Revolution and Civil War: 1917-1920 (On the Materials of Central Industrial District). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2010. 24 p.

58. Feldman M.A. *Izhevsko-Votkinskoe rabochee vosstanie skvoz prizmu sotsialnoy istorii Rossii* [Izhensk-Votkinskoe Labour Uprising Through the Prism of Social Russian History]. *Rossiyskaya istoriya*, 2012, no. 3, pp. 12-20.

59. Kheymsen L. *Ob istokakh revolyutsii* [On the Sources of Revolution]. *Otechestvennaya istoriya*, 1993, no. 6, pp. 3-15.

60. Kheystings M. *Pervaya mirovaya voyna: Katastrofa 1914 goda* [The First World War. The Disaster of 1914]. Moscow, Alpina Non-Fikshn Publ., 2014. 604 p.

61. Kheresh E. *Nikolay II* [Nicholas II]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998. 416 p.

62. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti* [The Central State Archive of Samara Region]. F. 468. Samarskoe gubernskoe zhandarmskoe upravlenie.

63. Shishkina S.Yu. *Patriotizm i tolerantnost: k voprosu ob evolyutsii obshchestvennykh*

nastroeniy v gody Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Zauralya) [Patriotism and Tolerance: to the Issue of Evolution of Public Moods During the First World War (on the Materials of Trans-Ural)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 2006, no. 7, pp. 191-203.

64. Gatrell P. *Russian's First World War: a Social and Economic History*. Harlow, England, Longman, 2005. vol. 20. 318 p.

65. Gatrell P. Poor Russia, Poor Show: Mobilising a Backward Economy for War, 1914-1917. *The Economics of World War I*. Cambridge University Press, 2005, pp. 235-275.

66. Holquist P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914-1921*. Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 2002. 352 p.

67. Kort M. *The Soviet Colossus: History and Aftermath*. New York, 2001. 465 p.

THE QUALITY OF LIFE IN RUSSIA DURING THE WAR OF 1914-1918: HISTORIOGRAPHIC ASPECT

Paramonov Vyacheslav Nikolaevich

Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and Philosophy of Science,
Samara State University
parvja@mail.ru
Akademika Pavlova St., 1, 443011 Samara, Russian Federation

Abstract. The article studies the increasing interest of contemporary researchers to the problems of life quality in Russia during the First World War. The life quality is considered as an integrated concept that includes human needs and the ability to satisfy them. The indicators of life quality include the conditions of work and rest, housing conditions, social security and guarantees, life safety, leisure time and the possibilities of its productive use, subjective feelings of comfort, stability and confidence in the future.

According to the author, the transformation of Russian society in 1914-1917 was accompanied by a set of negative phenomena and processes related to life quality, such as the deepening of social stratification in terms of financial security, population health deterioration (working population, in particular), increasing disparities in gender and age structure of the population, a high level of regional differentiation of the life quality in Russia. During the war, these processes had been further intensified. The author comes to the following conclusions: the issue of life quality in Russia during the First World War remains controversial; the assessment of life quality in most cases is comparative in nature and varies considerably according to the set of criteria for determination of rating scales. Further development of the subject requires a multidisciplinary approach, clarification of the concepts and statistical indicators, the identification and introduction of additional historical facts into academic research. It is advisable to create an encyclopedia of the Great War, revealing different aspects of this phenomenon, including the dynamics of the life quality of the participating countries population.

Key words: First World War, back areas, quality of life, consumption, workers, peasants, refugees, historiography.